

ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Дробижева Л. М., д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН

Неравенство в полиэтнических обществах имеет свои этносоциальные измерения. В статье рассматривается, как этническая принадлежность влияет на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества. Почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как дискриминация, каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти и представления о них в этнических группах. Насколько оправданны представления об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России.

Несмотря на то что в 2000-е гг. не было опасности массовых национальных движений, проблемы в этносоциальной сфере в России остаются. Правда, за короткое историческое время они существенно изменили свое содержание. С точки зрения социального развития страны на первый план выходят, несомненно, две. Первая проблема связана с ролью культурных факторов в процессе модернизации страны, в том числе готовности работников разной национальности к современным видам деятельности, определением наиболее эффективных путей их взаимодействия при передаче управленческой и производственной культуры, нахождением способов преодоления негативного традиционализма, тормозящего прогресс.

К культурным факторам относят «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества» [Культура имеет значение, 2002. С. 11]. Наиболее известные в мире исследования в этом направлении выполнены А. Инкелесом, Дж. Хофстедом, Л. Харрисоном при участии С. Хантингтона [Inkeles, Smith, 1982; Inkeles, 1978; Hofstede, 1980]. В России исследования такого рода только начинаются [Шкаратан, Карачаровский, 2002; Наумов, 1996; Шершнева, Фельдхофф, 1999; Данилова, Тарарухина, 2003]¹.

Вторая проблема — место этничности в стратификационной иерархии современного российского общества. На протяжении 1990–2000-х гг. мы имели возможность наблюдать, как фокус интересов национальностей смещался из символической, культурной и психологической сферы (принятие деклараций о суверенитете в республиках, провозглашение в них национальных языков государственными вместе с русским, сохранение ценностей культуры, группо-

¹ Кроме того, какие-то аспекты этих проблем ранее затрагивались в работах Ю. В. Арутюняна, В. В. Коротеевой, Л. Перепелкина

вой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем преимущественно социально-экономическую, связанную с собственностью, доходами, престижем, властным и интеллектуальным ресурсом этнических групп.

Предметом нашего анализа является реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это несколько иной ракурс исследования по сравнению с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде. Особенностью этносоциологии после ее утверждения в нашей стране в 1960—1970-е гг. было *внимание к изучению социальной структуры этнических общностей* (прежде всего наций союзных республик), но акцент делался на *сравнительном анализе народов с точки зрения их развития*. Объективная причина этого — сам характер полиэтничности, многокультурности в СССР и сейчас в России.

В США, Канаде, Англии социальные проблемы этничности изучались главным образом в связи с взаимодействием групп мигрантов или с группами мигрантов. Для США основной социальной проблемой были взаимоотношения не между аборигенным населением и колонистами из Европы, а между отдельными группами колонистов. Поляки, греки, итальянцы — белое неанглосаксонское население — боролись здесь за свои права с теми, кто называл себя WASP. Во Франции и Германии проблемы регулирования межгрупповых этнических отношений с 1960—1970-х гг. тоже преимущественно были связаны с мигрантами.

В России, так же как раньше в Советском Союзе, этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории), — так сложилось наше государство как полиэтничное.

В Советском Союзе нерусские составляли практически половину населения страны. И это, естественно, стало неким объективным основанием для того, чтобы изучение фокусировалось на адекватности социальных структур самих народов социальной структуре общества в целом, а не на месте меньшинств в структуре общества, и прежде всего, конечно, внимание уделялось наиболее крупным народам и имеющим свою государственность, пусть скорее символическую, чем реальную. Хотя, разумеется, само сравнительное сопоставление давало повод для дискуссий о равенстве.

В современной России мы живем в других условиях. Появились новые сферы деятельности, социальные слои, формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация. Существенно обострилась социальная конкуренция, особенно в больших городах. Люди знают, что если они смогут хорошо зарабатывать, то будут иметь комфортное жилье, машины и любые другие потребительские блага.

И в то же время в социальной политике нового государства этнический принцип не присутствует. В ней едва просматривается задача защиты обездоленных, главным образом неадаптировавшихся мигрантов. Так же как и в других государствах, подобный подход в социальной политике не снимает конкуренции между другими этническими группами, особенно компактно проживающими и претендующими на участие в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов (пример басков и каталонцев в Испании, шотландцев и североирландцев в Англии).

Вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопреде-

ляют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Актуальным становится не просто социальная конфигурация, а изучение неравенства этнических групп как социальная проблема. Исследователями признается, что для любого общества неравенство доступа к ресурсам и вознаграждениям является «фундаментальным фактом» [Радаев, 1994. С. 85].

Нас интересовали статусные позиции, приписываемые общественным сознанием этническим общностям, а также социальная стратификация внутри этих общностей, так как сам масштаб представленности иерархически стоящих выше слоев влияет на приписываемый этнической группе статус и место людей той или иной национальности на стратификационной лестнице.

Исходным являлся анализ социально-профессиональной стратификации этнической группы как базовой. Она фиксировалась через выделение слоев по содержанию и условиям труда с учетом квалификационных требований. Эта стратификационная система была важна для нас не только потому, что позволяла провести динамические сравнения, поскольку в прежних исследованиях социальной структуры народов использовались в основном эти показатели. Она важна и потому, что после какого-то периода в нашей недавней истории, когда формальная аттестация с помощью дипломов и аттестатов потеряла значение, теперь образование и квалификация, подтвержденные соответствующими сертификатами (как объективный показатель), снова открывают путь к престижным рабочим местам.

Конечно, теперь при выделении социальных страт мы более жестко следуем принципам их дифференциации по размерам доходов, материальному благосостоянию, накоплениям, наличию собственности, в том числе производственного капитала, образованию, квалификации, должностному положению, властным полномочиям. Практически все эти показатели в той или иной степени поддаются объективному, количественному измерению.

Но есть один дифференцирующий показатель, который практически не поддается объективной операционализации, особенно с учетом этнокультурного разнообразия, — это престиж. Данный показатель не только относительный, но и субъективный. По опыту работы в предыдущих проектах в российских республиках мы, например, можем сказать, что в период хаотической трансформации в среде русских престиж образования падал (сметливые малообразованные люди могли стать богачами, попасть в средний слой, а специалисты становились уборщиками в частных магазинах), а у якутов, осетин, тувинцев образование по-прежнему было в почете.

Именно из этих самооценок и приписываний, которыми они наделяют других, индивиды и группы исходят в своих представлениях, ориентациях и поступках. Репутационный метод относится к субъективным, но представления людей зависят от объективного состояния общества. Социальные различия между этническими группами могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда (культурное разделение труда, по М. Хехтеру) и объясняется неравенство. И при этом не важно, насколько сложившиеся конструкты имеют реальное основание. Важно иное: люди строят отношения с другими, согласуясь со своими представлениями. Поэтому нами была запрограммирована комбинация показателей, традиционно использовавшихся для изучения социальной стратификации (доход, имущественные характеристики, уровень

образования, квалификации, должность, позиция во властной структуре), и субъективный показатель — престиж. В качестве дополнительных критериев использовались оценки респондентами своего материального и социального положения, социального самочувствия, удовлетворенности жизнью.

Таким образом, как и другие исследователи (Т. И. Заславская, З. Т. Голенкова, М. К. Горшков, Л. А. Беляева, Т. М. Марева, В. В. Радаев, Н. А. Тихонова, Л. А. Хахулина и др.), мы изучали субъективное восприятие человеком своего положения в иерархии общественной структуры, т. е. самоотнесение к высшему, среднему или низшему классу.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных (дающих название республикам) национальностей в республиках.

Исследуя неравенство в восприятии людей, мы ставили перед собой задачу выяснить, насколько они сами ассоциируют свой статус в обществе и возможности продвижения с этнической принадлежностью. Затем эти представления мы соотносили с реальной мобильностью респондентов, исходя из их ответов об изменении карьеры, и сопоставляли этничность с другими факторами, способными, по мнению самого респондента, влиять на социальное продвижение. Материалом для анализа послужили результаты проекта «Российская идентичность» в Москве и регионах в 2008–2009 гг. и данные переписей. В 2002 г. нами был завершен проект, начатый еще в 1999 г., — «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации»².

ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования были не только изменения в социальной конфигурации контактирующих этнических групп, но и факторы, конструирующие границы между этническими общностями и социальными слоями.

Механизмом, с помощью которого конструируются границы (как их понимал Ф. Барт), являются представления. Известно, что далеко не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Как правило, в основе противоречий лежат интерпретации социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованные в соответствующих мифологемах.

Мифологемы как разделяемые большинством представления об отдельных компонентах социальной реальности являются, естественно, не только суммой индивидуальных, обусловленных личным опытом интерпретаций текущих социальных реалий. Завершенность и социальную значимость им придают репутации³, задаваемые лидерами, нередко неформальными. Таким

² Проект осуществлен московскими исследователями Л. М. Дробижевой (руководитель), В. В. Коротеевой, И. М. Кузнецовым (ученый секретарь), Л. В. Остапенко, С. В. Рыжовой, Г. У. Солдатовой и исследователями из республик и областей В. В. Амелиным, Д. В. Брагиной, Р. М. Валиахметовым, Э. М. Виноградовой, Р. А. Кузьминой, Р. Н. Мусиной, Л. В. Сагитовой, Т. А. Титовой, Э. Я. Яковлевой. Кроме упомянутых исследователей в проекте принимали также участие А. Д. Бравин, А. Д. Коростелев, Г. А. Исаев, В. Е. Козлов, И. А. Снежкова, И. Г. Спиридонова и другие наши коллеги из республик и областей РФ. Всем им мы признательны за содействие в реализации исследования.

³ В эффективности метода определения репутаций после работ У. Ллойда Уорнера и Пола Ланта мало кто сомневается [Warner, Lunt, 1947].

образом, мифологема — это групповая интерпретация текущей реальности, озвученная лидером и освященная его авторитетом.

Выяснение *представлений* о неравенстве (в том числе закрепленных в мифологемах) входило в *предмет нашего изучения* не случайно. Если социальное неравенство в массовом сознании связывается с этничностью, если люди верят, что их национальная принадлежность влияет на социальное положение, они будут действовать в согласии с этими убеждениями и соответственно относиться к людям той или иной национальности как к социально конкурентным группам. Мы солидаризируемся с известной «теоремой Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Thomas, Znaniecki, 1918. P. 79]. Мы можем лишь добавить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то создается основа для социальной напряженности и конфликта.

Место этнокультурных факторов, особенностей норм, ценностей, идеалов в социальной иерархии тесно связано с проблемой приспособления этнических групп к современному рынку труда, информационным ресурсам, технологиям.

Кроме материалов массовых опросов привлекаются материалы переписей и некоторые данные глубинных интервью, которые были взяты автором (90 интервью).

Для исследования были отобраны культуры, сложившиеся исторически под влиянием разных религий: русские с православным вероисповеданием, но практически потерянной для большинства традиционной культурой, испытавшей влияние христианства; татары и башкиры с сохранившимся влиянием ислама в повседневной жизни и саха-якуты, частично обращенные в православие, но со значительной, в какой-то мере протестной, приверженностью к шаманизму.

Это позволяло нам не только посмотреть, как входят в трансформационные процессы этнические группы с разными традициями, но и как влияют (и влияют ли) особенности культуры на социальные иерархии.

При этом само объективное социальное деление для нас было важно с точки зрения его соответствия представлениям о неравенстве. С этой же точки зрения изучалась социальная мобильность среди русских и титульных национальностей в республиках.

Наши исследования не были посвящены специально качественным характеристикам рабочей силы, но ряд измерений (образование, ориентация на тот или иной тип оплаты труда, предприимчивость, достижительность, ценность труда, самостоятельность, ответственность, коллективизм) мы фиксировали для изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство.

В исследовании ставились *задачи*:

- на основе анализа статистики и результатов репрезентативных опросов выявить факторы социальной стратификации и мобильности в этнических группах, различающихся по уровню модернизации и культурному наследию;
- понять, как соотносится реальное неравенство этнических групп с представлениями об этом неравенстве у русских и титульных национальностей в республиках, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями;

- определить, какие этнокультурные и этнополитические факторы присутствуют среди объяснительных моделей движения к социальному успеху, какие из них действительно содействуют продвижению;
- установить, как влияют этнические факторы на достигательные ориентации, предприимчивость групп и обостряет ли это конкурентные отношения между ними;
- выяснить, как распространены в группах с разной этнокультурной составляющей инновационные, разделяемые всеми ценности и установки и как влияет сходство или различие в этом отношении на интеграционные процессы в обществе.

Объектом изучения были *этнические группы*. Это понятие используется нами в значении этнической категории, сформированной по принципу саморасчленения с ней на основе тех или иных признаков. Естественно, в таком значении этническая группа не представляет общности с жесткими социальными связями. Они могут различаться не только по силе и сферам деятельности людей, но и просто номинально. Какая-то часть людей, вошедших в категорию «этническая группа», могла вообще быть не включенной в этнические связи⁴ и не испытывать в этом потребности или не осознавать ее.

Конкретными объектами исследования были татары и русские в Татарстане, саха и русские в Саха (Якутии) — республиках, в которых мы работали в предыдущих проектах, русские и татары в Оренбургской области, где по ряду сопоставимых признаков проводилось исследование и в 1996—1998 гг., а также русские и татары в Башкортостане.

Выборка опроса была спланирована таким образом, чтобы иметь возможность сравнить положение и мнения русских, живущих в республиках — в иноэтнической среде и в области — преимущественно в своей среде. Так же и в отношении татар, мы имеем возможность сравнить их статус, положение и самочувствие в своей республике, в области с доминирующим русским населением и в республике, где они не являются национальностью, дающей название территории. Выборка нашего опроса позволяет делать сравнительные оценки положения той или иной национальности. Например, чтобы представить положение и самочувствие русских в республиках, очень важно посмотреть на оценки их социального, экономического положения в соседней, сходной по ресурсам Оренбургской области. Чтобы понять, насколько влияет уровень самостоятельности республики на положение татарского населения в Татарстане, важно посмотреть на данные о положении татар и их самооценках в соседнем Башкортостане и Оренбуржье.

Именно такие сравнения позволяют сделать более адекватные выводы о роли статуса республики для жизни населения и конкретных национальностей, понять, за счет чего проигрывают в уровне жизни и социальном положении этнические общности — за счет статуса областей в сравнении с республиками или недостаточно эффективной деятельности областной власти. Сравнительный анализ по республикам и области позволяет выявить широкий набор факторов, влияющих на социальное неравенство этнических групп и избежать нередко мифических приписываний.

⁴ Подробнее о «номинальной» и «действительной» идентичности см. [Jenkins, 1997, Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

Параметры репрезентативной выборки для основных национальностей республик и области были разработаны М. С. Косолаповым (по Татарстану, Саха (Якутии), Оренбургской области) и Е. В. Козеренко (по Башкортостану). В исследованиях 2000–2002 гг. в Саха (Якутии) были опрошены 1050 человек, Татарстане — 1000, Башкортостане — 1317, Оренбургской области — 1160. В исследовании 2007–2008 гг. было опрошено 1328 человек. Выборка разработана М. Ф. Чернышом.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕРАВЕНСТВА ОТ ПРОШЛОГО

В советское время народы делили на тех, которых «догоняют» и «остававших в прошлом». Успехи в сближении уровня экономического и культурного развития народов считали достижением в политике государства. В новой России ни государство, ни партии не декларируют подобной «национальной политики», а социальная политика не включает этнического компонента. Приверженность демократии обязывает государство обеспечить *правовое равенство* всех граждан независимо от национальности перед законом.

Радикальные системные преобразования в нашей стране, совпавшие со втягиванием ее в глобальные процессы в мире, меняют наш взгляд на этносоциальное пространство. К тому же социальная практика дает нам уроки «узнаваемо-неузнаваемой актуальности». Эстонцы, сходные с русскими по социальному потенциалу (уровню образования, доли квалифицированного труда), быстрее почувствовали преимущества от вхождения в рыночную экономику и демократическое пространство и преуспели в трансформационных процессах. Народы, квалифицировавшиеся ранее как «остававшие», живут самостоятельной жизнью. Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется, заставляя уходить от однозначных оценок.

Один из главных выводов после проведенного исследования состоял в том, что мы чаще всего фиксируем малосравнимые социальные практики на фоне единых процессов. Вот только один пример. По важному критерию модернизации — уровню образования (доле специалистов с высшим образованием) якуты в Саха (Якутии) в городских условиях уже более десятилетия обгоняли русских. Но у якутов большая часть народа живет не в городе, а в сельской местности, где включенность жителей, тем более в условиях высокой дисперсии по территории, в современные виды деятельности очень невысокая.

В Татарстане иное. Здесь русские и татары по уровню образования были очень сходны, и, что особенно важно, уже с конца 1980-х гг. они мало отличались по отраслевой занятости работников, в том числе по доле производственной, художественно-творческой интеллигенции, в то время как в Саха (Якутии) или Башкортостане доли производственной интеллигенции у русских и титульных национальностей различались более чем в 4 раза. Процесс шел общий — модернизации, но вариации его в количественных выражениях, а тем более в качественных характеристиках чрезвычайно разнообразны.

Поэтому для российских условий очень важны выводы ученых, изучавших процессы глобализации, прежде всего о «глокализации», понимаемой как процесс адаптации глобальных хозяйственных практик к местным условиям и как понятие для описания реструктуризации социального пространства [Robertson, 1995. P. 28–29; Luke, 1995].

Время, настоящее и прошлое, давнее и недавнее, по-разному воспринимается социальными акторами и целыми группами в процессе самоидентификации. Из глубинных интервью с людьми одной и той же национальности и даже близкого статуса видно, что одни в традициях культуры, подчас даже архаических, видят способ защитить общество от стандартизированной масскультуры, нравственного опустошения и поддержать деятельностную позицию работников. Другие считают, что как можно быстрее надо уйти от прошлого, оно сковывает, сдерживает. Приведу выдержки из интервью директора Департамента по реализации в правительстве Саха (Якутии) Егора Павловича Журкова: *«Как жить? Есть две крайности... Свести все к самодостаточности, сохранить нетронутой самобытность народа. Или выбрать путь открытого миросуществования, вписывания в новые отношения. Этот путь, как мне кажется, больше отвечает новому времени».*

А Николай Алексеевич Лугинов, директор Литературного музея (г. Якутск), рассуждает о том, что время сейчас иное, как раньше, жить нельзя, но что-то в прошлом было рациональным: *«В жизни каждого народа есть та сфера производства, которая составляет исконное занятие народа. И подрыв этой сферы деятельности подрезает все национальные корни. И после этого происходят необратимые процессы... Чтобы менять внутренний склад жизни, нужно время. Нельзя сказать, что народ сломался, он, наоборот, при новых условиях жизни становится другим... У нас есть глубоко порочный подход ко всему — единообразный. Пытаются сравнивать многомиллионные города и Якутию, а она вся — это миллион с небольшим жителей... Народы осваивают такую громадную территорию, на них держатся редчайшие сферы деятельности... Эти люди даже фактом своего существования, обитая на громадных территориях, несут дополнительную положительную силу».*

Понятие исторического времени для сравнения и понимания своего места в настоящем меняется, и осмысление этого людьми имеет существенное значение для представлений о равенстве-неравенстве народов, этнических групп.

В нашей интерпретации итогов исследования мы не используем понятия «выравнивание уровней развития», «догоняют», «опережают». Речь идет о своеобразии этнических групп, их позиций, статусов, о явлениях, формирующих представления о равенстве-неравенстве.

Для восприятия статуса группы, унаследованного из прошлого, важна доля высококвалифицированного умственного и, затем, физического труда. Л. В. Остапенко, которая работала по статистическим материалам Всесоюзных переписей 1959, 1979 и 1989 гг., установила, что народы, дававшие название республикам в России, более всего различались именно по этим показателям (коэффициент вариации в 1989 г. по доли работников высококвалифицированного умственного труда среди занятого городского населения республик составлял 33%, по рабочим высшей квалификации — 21%, а мало- и неквалифицированным рабочим — 18%) [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

Дифференциация национальностей по доле квалифицированного умственного труда была значимой как среди городских, так и среди сельских жителей. У якутов, бурят доля работников этих категорий составляла 40% в городе и 30% на селе, а у карел, марийцев, удмуртов, чеченцев соответственно — 20% и 12–13% [Там же]. Но люди этих национальностей не так часто контактировали, и наиболее значимыми были сравнения с русскими, живущими в республиках. К началу трансформационных процессов наиболее сходным

был социально-профессиональный состав у русских и титульных национальностей в Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Коми АССР⁵.

Уже с 1960-х гг. были республики, где титульные национальности в городах имели долю специалистов высшего звена бóльшую, чем русские, — Якутская и Бурятская (по этому показателю превосходили вдвое местных русских). А в тенденции быстро сближающимися были показатели по доле высококвалифицированного (умственного и физического) у татар и русских в Татарской АССР. В большинстве других республик дистанция по этому показателю между русскими и титульными национальностями была в 1,4–1,7 раза.

Но для ощущения равенства или неравенства национальностей имеет значение не только доля престижного труда в составе самой этнической общности, но и их представительство в самой престижной группе. Например, якуты в своем составе имели бóльшую долю специалистов высшего звена (в городах), чем русские, но в составе руководителей высшего звена в республике якутов было 19%, а русских — 61%, среди специалистов высшей квалификации было 9,0% якутов, а русских — 68%; правда, сами якуты в республике составляли 31%, а в городах их было еще меньше.

В Татарстане же, где татары и русские проживали практически в равных пропорциях, среди руководителей высшего звена в городах было 44% татар и 49% русских, а среди специалистов этой категории — соответственно 38% и 54%. И в отраслях промышленного производства татары и русские были в Татарстане представлены более равномерно. Статусный диссонанс в Якутии, естественно, ощущался острее. Будучи шире представленными в науке (больше гуманитарной), просвещении, культуре (среди русских, как и в других республиках, здесь больше специалистов, занятых в промышленном производстве), якуты глубже и разносторонне, чем многие другие национальности, осмысливали свои запросы, что нашло отражение в требованиях контроля над ресурсами в начале 1990-х гг.

В Саха (Якутии) в прошлом и теперь наиболее заметны различия в отраслевой занятости национальностей. Даже работая в индустриальном производстве, русские чаще заняты в добывающей промышленности и, так же как и в других республиках, в машиностроении и металлообработке, а титульные национальности шире представлены в строительстве, на транспорте, в легкой и пищевой промышленности.

Работники предприятий первой группы, которые в большинстве своем являются крупными организациями, имели более высокие заработки, были лучше обеспечены жильем, имели лучшие условия труда и отдыха. И эти неравенства в материальном обеспечении, условиях жизни проецировались на национальности.

Наиболее сильно на социальное неравенство народов влияла доля сельского населения. Например, сельские якуты, буряты, горноалтайцы были сравнительно более образованными в сопоставлении с сельскими жителями других народов, но они же существенно отставали от своих городских соплеменников, прежде всего из-за языковой компетенции при социальном перемещении, ведь вузы в городе работали на русском языке.

Разная доля горожан и специалистов создавала неравные стартовые возможности для вхождения в рыночную экономику, участия в приватизации и формировании новых социальных групп.

⁵ Расчеты по Всесоюзной переписи 1989 г. были проведены Л. В. Остапенко.

Для включения в трансформационные процессы имела значение отраслевая занятость национальностей⁶. Наиболее крупные индустриальные кадры имели татары, удмурты, башкиры, карелы, хакасы, чуваша. В городах республик их доля достигала 55–60% занятого населения этих национальностей. Меньшая занятость в индустриальном производстве характерна для алтайцев, калмыков, якутов, национальностей Дагестана, что отражалось на вхождение в рыночные отношения.

Этносоциальной проблемой, доставшейся в наследство еще от советских времен, была проблема социального взаимодействия русского и нерусского населения республик. В целом с российскими народами у русских в республиках прослеживаются два типа взаимодействия. Один — его условно можно назвать *сегрегационным* (не в буквальном смысле, конечно) — когда в отраслевых занятиях национальностей довольно четко прослеживаются несовпадения⁷.

Другая модель межэтнического взаимодействия — *конкурирующая*, когда у титульных народов республик и русских более-менее сходная структура занятых. Например, в Татарстане, за исключением преобладания специалистов в сельскохозяйственном производстве у татар, в других сферах деятельности наблюдается сходство с русскими. В 1989 г. среди специалистов и руководителей производства в составе интеллигенции у татар было 45%, а местных русских — 50%. В машиностроении, нефтепереработке были заняты и русские, и татары. В составе работников партийно-государственного управления было 47,6% татар и 47% русских, среди учителей и врачей — 43% татар и 49% русских, художественно-творческой интеллигенции — 44% татар и 47% русских. Тогда русские преобладали (53% против 38% у татар) в среде работников хозяйственного управления. По нашим опросам 1999 г.⁸ и материалам переписи 2002 г., и в этой среде татары представлены практически вровень с русскими.

С одной стороны, при сегрегационной модели этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии. С другой стороны, различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условиях трудовой деятельности, получении пособий, материальных благ и в престиже, доступе к власти, и в этом отношении социальная дистанция между этническими группами увеличивается. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной.

Отраслевая занятость и образовательный потенциал народов существенно влияли на социальную и экономическую ситуацию в условиях

⁶ Расчеты Л. В. Остапенко по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

⁷ Например, в Саха (Якутии) якуты в наибольшей мере были представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую среди управленцев. В какой-то мере это связано с территориальным размещением. Русские прибывали в Саха (Якутию) для работы на приисках. Якуты городские сосредоточены преимущественно в столице, где осуществляется управление, работают вузы, расположен современный медицинский центр. Кроме того, сельское население рассредоточено на больших расстояниях, и там везде нужны были управленцы, знающие язык местного населения.

Со своим своеобразием, но все же несовпадением отраслевой занятости народов, прослеживается взаимодействие этнических групп в Туве, Дагестане, Карачаево-Черкессии.

⁸ Данные за 1989 г. приводятся по расчетам Л. В. Остапенко; за 1999 г. — по результатам опросов по названному выше Проекту «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России»

трансформации⁹. Особенно тяжелая ситуация была на предприятии ВПК, где традиционно работали преимущественно русские. И это создавало трудности межэтнического характера¹⁰.

Выигрывали республики с экспортной направленностью в экономике, имеющие добывающие предприятия, — Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Хакасия. Уровень зарплаты здесь был намного выше, чем в других отраслях (например, в 3–5 раз выше, чем в машиностроении и металлопереработке)¹¹. В результате новых «выигрышей» и «проигрышей» различия между народами и республиками в доходах оставались значительными. Например, доля малоимущих в Туве в конце 1990-х гг. составляла 75%, в Саха (Якутии) — 32%, в Башкортостане — 28%, в Татарстане — 20% [Социальное неравенство этнических групп..., 2002. С. 331–332].

Русские в республиках оценивали свое материальное положение хуже, чем титульные национальности. Они чаще давали оценку своему положению «Денег хватает только на еду». Русские везде острее чувствовали ухудшение своего положения.

Однако результаты проведенных нами исследований в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области (сопоставимой с двумя последними республиками) показали, что за 10 лет русские не понизили своего реального социально-профессионального статуса в республиках больше, чем в областях. Доля перешедших из руководителей и специалистов высшего звена в низшие страты в республиках в 1999 г. была 20–23% (среди горожан), в областях — 25%. В Татарстане, например, у татар эта доля была не меньше 28% (у русских в республике — 20%). В соседней республике, у башкир, понизивших статус, было меньше (8%), что могло быть связано с тем, что башкиры только завоевывали место в высокостатусных образованных слоях и больше боялись поменять вид деятельности, который еще недавно казался столь престижным, а теперь стал еще менее оплачиваемым.

Одновременно у башкир, татар, якутов (так же как у большинства других нерусских народов) доля повысивших статус по сравнению со своими отцами (межпоколенная мобильность) была выше. Практически половина нынешних специалистов высшей квалификации — татар и башкир и чуть меньше Саха в городах, где в основном они контактируют с русскими, — вышли из семей менее квалифицированных работников¹².

⁹ Как известно, в 1990-е гг. более всего пострадала промышленность. В Удмуртии, Туве, Карелии, Марий-Эл, Калмыкии, Дагестане, Кабардино-Балкарии численность работников промышленности упала вдвое, в Северной Осетии — Алании — еще больше.

¹⁰ Например, в Татарстане принимали специальные меры по поддержанию оплаты труда работников в этой сфере, имея в виду возможность «перемещения» недовольства в межнациональные отношения.

¹¹ Популярной деятельностью в условиях транзита стала сфера торговли и обслуживания. Народы, которые издавна имели традиции в этих видах деятельности, например Северного Кавказа, выиграли больше от развития этих отраслей [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

¹² 30 лет назад среди башкир и в Саха 40% трудящихся были работниками мало- и неквалифицированного труда, среди татар эта цифра составляла более 30%, в то время как у русских эта категория работников в городах республик уже тогда не превышала 20%. А сейчас по доле работников физического труда низшей и средней квалификации этнических различий почти нет. Естественно, что у титульных национальностей республик это вызывает чувство удовлетворения, гордости, а русские далеко не везде и не всегда готовы воспринимать их равными партнерами.

Таким образом, даже на примере якутов видно, насколько неадекватны могут быть наши оценки, если мы сравниваем равенство-неравенство национальностей по какому-то одному, пусть и очень значимому, статистическому критерию, и даже в достаточно стабильной обстановке.

К тому же и тогда, и теперь у людей разных национальностей сохраняются различия в профессиональных ориентациях, ценностях тех или иных видов труда, социальных устоях, и поэтому их собственные оценки своего статуса, положения далеко не всегда совпадают со стигматизацией другими. Конечно, можно говорить о положении народов по модернизационной шкале, но важнее понять и «неповторимые рисунки» социальной фрагментации этносоциального пространства. Социальные изменения трансформационного перехода еще больше убеждают в необходимости такого подхода.

Исследования, проведенные нами вместе с коллегами из Саха (Якутии)¹³ в 2007–2008 гг. показали, что в социальном положении якутов и русских произошли заметные изменения в сравнении с 1990 гг. В составе городского населения выросли и сблизились доли специалистов и ИТР этих групп (соответственно 13% и 15,6% в сравнении с 5,7–10,5% в 1999 г.), доля предпринимателей (в 1999 г. у якутов она составляла 1,9%, у русских — 4,4%, а в 2008 г. — соответственно 4,2–5,4%), руководителей предприятий (теперь среди якутов — 1,5%, среди русских — 1,2%, а было соответственно — 2,8–1,2%). Доля людей с высшим образованием у якутов и русских стала практически одинаковой. Но, как и прежде, у якутов выше доля занятых в государственном аппарате (3,6% против 2,3% у русских). Среди русских выше доля рабочих.

Статусно в производственных сферах деятельности русские удерживают свои позиции. Они практически так же, как и якуты, оценивают себя и по шкале богатства, даже выше (к средней группе причисляют себя 76%, а у якутов — 63%). Но среди них больше тех, кто помещает себя на низшие ступени шкалы власти (30% русских и 17% якутов), и меньше тех, кто видит себя на средней ступени (69% против 82% якутов).

Свыше 30% якутов и 40% русских полагают, что национальность влияет на возможность трудоустройства, и половина русских убеждены, что национальность влияет на возможность занять высокий пост в органах власти.

В целом русские сейчас оценивают ситуацию межэтнического общения лучше, чем в конце 1990-х, а титульные национальности не намного, но хуже. Но это уже специальная тема, требующая изучения.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

На исходе последнего десятилетия XX в. мы наблюдали, как начатые экономические реформы и доступ к демократическим свободам до неузнаваемости изменили привычные картины жизни в республиках и областях России. Возрастающее разнообразие и фрагментация социального пространства — доминирующая тенденция при достаточно выраженной новой социальной дифференциации.

¹³ Инициаторами и координаторами исследования в республике были А. Д. Бравин и Э. Я. Яковлева. Исследовательская группа Института социологии РАН — Л. М. Дробичева, С. В. Рыжова, М. Ф. Черныш.

Былые преимущества нередко обращались ущербом. Вставали крупные государственные предприятия, в том числе машиностроительные и предприятия ВПК. На большинстве из них в республиках работали русские. Затем началась приватизация, закрывались прииски. Русские не только теряли работу, но и часто принимали решение об отъезде. Представление о вытеснении по национальному признаку неадекватно отражало реальность. Доля русских, выехавших из Магаданской области, была даже выше, чем из Саха (Якутии). Дистанцирующая роль отраслевой специализации выросла. Работники, занятые в легкой и мелкой промышленности, быстрее переходили к рыночной экономике, а там доля представителей титульных национальностей была выше.

Судя по материалам исследования 1999–2002 гг., татары, башкиры, якуты — люди разных культур не реже, чем русские, а иногда даже активнее принимали деятельностные установки (*табл.*).

Из данных, приведенных в *таблице*, видно, что готовность к разным видам активной жизненной стратегии у национальностей несколько отличается. Якуты более, чем другие национальности, были ориентированы на повышение квалификации и использование резерва «связей с нужными людьми» (из глубинных интервью мы знаем, что прежде всего речь идет о земляческих и родственных связях).

На повышение квалификации были ориентированы и более половины башкир и татар Оренбуржья, у которых образовательный потенциал был ниже, чем у их соплеменников в Татарстане и Башкортостане. А готовность сменить работу по сравнению с русскими была выше у титульных национальностей, которые, видимо, чувствовали себя более уверенно в эффективности таких поисков. У русских в Оренбуржье готовность к такой активности была выше, чем в республиках, и практически такой же, как у татар, башкир, якутов.

Несколько выше у титульных национальностей республик по сравнению с русскими была готовность пойти на риск и открыть свое дело. [Причем это отмечалось не только в республиках. В Оренбургской области активных в этом отношении русских было не меньше, чем в Башкортостане или Саха (Якутии).]

Установки на деятельностную позицию, в том числе на готовность к предпринимательству, в современных условиях существенно социально-психологически дифференцируют людей. Но, естественно, установки не всегда реализуются. Среди башкир и якутов четверть опрошенных заявляли

Таблица. Жизненные стратегии по улучшению своего положения городского населения Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области, в % от ответивших

Чтобы улучшить свое положение готовы...	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	татары	русские	башкиры	русские	татары	якуты	русские	русские	татары
повысить квалификацию	40	39	56	41	43	64	50	46	57
сменить профессию	25	20	32	25	22	31	28	19	18
сменить работу	46	35	46	39	37	49	44	47	45
открыть свое дело	14	11	29	19	24	25	20	17	19
наладить связи с нужными людьми	38	34	38	34	39	54	45	46	49

о готовности открыть свое дело, но реально осуществили свое намерение немногие: предпринимателей было в 8–10 раз меньше, 60% башкир и около 80% якутов, судя по результатам опросов, остались работать на государственных предприятиях. Среди же татар и русских (в Татарстане), которые были более осторожны в своей готовности «открыть свое дело», реально на госпредприятиях осталось работать меньше — 49–55%. И надо сказать, что в Татарстане и у русских, и у татар намерения в данной сфере деловой активности практически соотносились с их оценкой возможности успеха. Готовность «открыть свое дело» и у татар, и у русских была практически одинаковой — 11–14% (при возможной ошибке выборки в 5% это равный показатель), а оценка возможности людьми каждой национальности сделать этот шаг соответственно проявлялась у 13% татар и у 7% русских, т. е. была практически реальной. Однако оценка такой возможности для татар русскими была выше — 25%.

Якуты же выше оценивали возможности русских открыть свое дело, чем сами русские (среди якутов 30% считали, что у русских больше возможностей в этой сфере активности, а среди русских так ответили 12% респондентов).

В. В. Коротеева, анализирующая экономические и политические возможности этнических групп в оценке жителей исследуемых регионов, сделала вывод, что «люди склонны преувеличивать ущербленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии» [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

В опросном листе для изучения представлений о равенстве-неравенстве задавался вопрос о возможностях людей разных национальностей добиться успеха в деловой и политической сфере. Анализ данных по всем массивам опрошенных показал, что именно в отношении бизнеса, деловой сферы представители всех этнических групп считают, что национальность влияет в этой сфере меньше, чем в политике. У большинства респондентов не вызывает сомнения, что представители национальностей, дающих название республикам, имеют в них больше возможностей «занять высокий пост в органах власти», так же как русские имеют больше возможностей в областях.

Возможности татар, башкир, якутов получить хорошо оплачиваемую работу русские тоже оценивают выше, и это в той или иной мере согласуется с мнением самих татар и башкир. Якуты видят большие возможности у русских и в отношении лучше оплачиваемой работы, и в отношении частного предпринимательства. Скорее всего, эти представления складываются у них за счет демографического превалирования русских и занятости их в выше оплачиваемых отраслях производства.

В Татарстане в демографическом соотношении и с точки зрения социального состава, а также профессиональной квалификации татары и русские очень близки, и поэтому возможности их должны бы быть одинаковыми, тем не менее согласованные оценки говорят о преимуществах татар.

Отметим еще одну важную закономерность: среди татар и русских значимая доля респондентов считали, что возможности в деловой сфере не зависят от национальности или затруднялись ответить на этот вопрос (свыше 50%) и чаще всего (более 60% и у татар, и у русских) имели такое мнение в отношении «открытия собственного дела». Та же тенденция наблюдалась в Саха (Якутии), Башкортостане и Оренбургской области [Там же].

Предпринимательская сфера в условиях рыночной экономики менее связана с этничностью (что не исключает культурной специфики в организации

самого дела) по сравнению с успехами в политической сфере. В представлении о неравенстве шансов «занять высокий пост в органах власти» солидарны титульные национальности и русские.

Эти выводы коррелируют с данными исследования о том, что во всех этнических группах люди, ориентированные на достижительность (предпочли выбрать работу, где «можно много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск), реже актуализируют этничность. Ответы «я редко задумываюсь о том, кто я по национальности» превалируют в этой группе по сравнению с выбором ответа «никогда не забываю, что я татарин... башкир... якут». И. М. Кузнецов, изучавший эти взаимосвязи, утверждает: «Условия взаимодействия в рыночных сферах экономики либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность (или привычку) в этнической категоризации социальных ситуаций» [Там же].

Таким образом, в условиях рыночной экономики мы имеем два противоречивых процесса. С одной стороны, в глобализирующемся обществе все индивидуализируется, теряют значение солидарности [Покровский, 2002. С. 51], в том числе этнические. С другой стороны, возрастает конкуренция, и в ней этничность нередко становится дополнительным социальным ресурсом.

Данные исследований показали, что в рассматриваемых регионах русские нигде сколько-нибудь значимо не потеряли в статусе (у татар в городах группа имобильных даже чуть больше), но группы, повысивших свой статус, у титульных национальностей были больше [Социальное неравенство этнических групп..., 2002].

В отношении русских и национальностей изучавшихся российских республик не фиксировалось «расколотого рынка», когда люди разных национальностей за одну и ту же работу получают разную оплату. Но в отношении мигрантов из Северокавказских республик РФ, так же как из Средней Азии или Закавказья, такая практика, как показывают исследования по Москве, имеет место.

В жизни этнических групп совмещаются старые и новые неравенства. Новые неравенства меньше связаны с политикой государства, но больше диктуются рыночной конкуренцией, при которой социальная дифференциация определяется для каждой национальности, будь то русские или башкиры, татары, якуты или другие народы, прежде всего культурой. Речь идет о ценностях, установках, ориентациях, убеждениях, воздействующих на социальное развитие.

В одинаковых условиях города или деревни в одном субъекте Федерации русские и национальности, дающие название республикам, так же как и в областях, например русские и татары в Оренбуржье, *отличаются по своим формальным социальным параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве, доступе к власти, престиже титульные этнические общности выделяются преимуществами в глазах респондентов.*

Эти преимущества осознаются практически всеми этническими группами как результат изменения их политического положения в результате демократизации и статуса республик.

Титульными национальностями доминирование в республиканских органах власти интерпретируется как возмещение их недопредставленности в федеральных органах власти, где в результате мажоритарной избирательной системы они никогда не смогут в силу своей численности иметь представи-

тельство, достаточное для влияния на законодательную практику или правительственные решения.

В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Политическая сфера — поле, где и русские в республиках, и титульные национальности в Федерации ощущают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для титульных национальностей — старое в новом варианте, это связано с тем, что в Федерации ситуация не меняется, а в республиках изменилась.

При правовом этническом равенстве в постсоветской России *русские* в 1990-е гг. ощущали себя в ситуации *относительного психологического неравенства*. Как и другие российские национальности, русские пережили распад Союза, но при этом они потеряли статус «старшего брата», державу с первенствующим геополитическим положением, убежденность, что страна, в которой они живут, имеет преимущество в социальном строе. О том, что это психологическое неравенство *ситуативно*, и о том, что оно преодолевается, свидетельствовали тенденции улучшения социального самочувствия русских в 2000-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003. № 3.
- Культура имеет значение. — М., 2002.
- Наумов А. Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.
- Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анония, глобализация // Глобализация. Постсоветское общество. — М., 2000.
- Радаев В. В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л. М. Дробижевой. — М.: Academia, 2002.
- Шершинева Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований. — СПб., 1999.
- Шкартан О. И., Карачаровский В. В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. — L.: Sage, Beverly Hills, 1980.
- Inkeles A. National Difference in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. — JAL Press, Inc., 1978.
- Inkeles A., Smith D. M. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Jenkins R. Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations. — L., 1997.
- Luke T. New World-Order and Neo-World Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glolities // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. — L.: Sage, 1995. P. 91–107.
- Robertson R. Glocalizations: Time-Space and Homogeneity — Heterogeneity // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. — L.: Sage, 1995. Thomas W. L., Znaniecki F. The Polish Heasant in Europe and America. — NY: Knopf. Vol. 1. 1918.
- Warner W. L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. — New Haven, 1947.